

ГЛАВА 3

— Ну вот что мне с тобой делать? Прекрасно же знаешь, что на спиртное у тебя аллергия, а всё равно пьешь! Ты что, думаешь, от неё не умирают?

— Виноват, каюсь, сестра Фэйфэй. Но вчера на банкете все были в таком восторге, мне просто неудобно было отказывать...

Лу Янь, кутаясь в пуховик и натянув капюшон по самые брови, сидел на скамье в больничном коридоре, ожидая, когда назовут его номер. Он вцепился в края капюшона, пытаясь спрятать лицо, покрывшееся яркими пятнами сыпи.

Цзинь Фэйфэй гневно сверкнула на него глазами:

— Нельзя было оставлять тебя там одного! Чу Лиань тоже хорош — мог бы и заступиться, перехватить пару рюмок.

— Да не вини ты его, — голос Лу Яня доносился из глубин пуховика глухо и невнятно. — Он вчера сам набрался до беспамятства, где ему было за мной присматривать?

— Нет, так дальше не пойдет. Тебе нужен помощник, и это не обсуждается. Я сама подберу тебе человека, — Цзинь Фэйфэй в сердцах ткнула его пальцем в плечо. — Слышишь меня?

— Подбери, подбери... Всё, как скажешь, сестра Фэйфэй.

— Хм!

— Сорок восьмой! Где сорок восьмой? — выкрикнула медсестра, сверяясь со списком.

— Твой выход, иди скорее, — Фэйфэй снова подтолкнула его.

Лу Янь, плотнее запахнув куртку, скрылся в кабинете. Не прошло и пяти минут, как он вышел с направлением в руках.

— Придется на укол сходить, — пробормотал он подошедшему менеджеру.

Даже под капельницей Лу Янь не унимался: он то и дело быстро касался экрана смартфона. Вид у него был крайне сосредоточенный.

— Что ты там делаешь? — поинтересовалась Цзинь Фэйфэй.

— Воюю с хейтерами.

— Что? — она не сразу расслышала.

— Чистку провожу, — ответил он тоном человека, занимающегося привычной рутиной.

Впрочем, для него это и впрямь было делом обыденным — он занимался этим уже без малого десять лет.

Цзинь Фэйфэй почувствовала, как к горлу подступила горечь.

— Давай я помогу, а ты лежи смирно, пока лекарство капает, — она потянулась за телефоном, но Лу Янь ловко увернулся.

— Не нужно. Ты не поймешь.

— Это еще почему? — Фэйфэй закатила глаза. — Если я не ем свинину, это не значит, что я не видела, как бегают свиньи.

— Ты не понимаешь самого удовольствия... от разделки туш.

— Ну... ладно.

Умудриться найти удовольствие даже в грызне с антифанатами — на такое способен только Лу Янь.

— Я пойду куплю чего-нибудь перекусить. Тебе что взять? — спросила Фэйфэй, взглянув на часы.

— стакан соевого молока, спасибо.

— И всё?

— Ты же знаешь, я не люблю плотно завтракать.

Менеджер вздохнула:

— Ладно, я скоро. Следи за капельницей.

— Да она еще до твоего возвращения не закончится.

«Ну и характер. Вечно я за него переживаю, как наседка», — подумала Фэйфэй, в очередной раз закатив глаза, и ушла.

Лу Янь закинул ногу на ногу и, положив телефон на колено, азартно тыкал в экран. Внезапно кто-то из прохожих задел его, и смартфон с глухим стуком полетел на пол.

— Простите.

Он подхватил гаджет крепкой ладонью с длинными, четко очерченными пальцами. Голос незнакомца звучал хрипло — верный признак простуды.

Лу Янь поспешно опустил ногу и еще сильнее стянул края капюшона, оставив лишь узкую щелку для глаз. Подняв голову, он увидел высокого мужчину в камуфляжном пуховике. Тот тоже был в капюшоне, а лицо скрывали темные очки и черная маска. Несмотря на столь плотную маскировку, во всей его фигуре сквозило благородство, которое не могла скрыть даже тяжелая зимняя одежда.

— Ваш телефон, — Бай Муюнь протянул смартфон, но парень не спешил его забирать. Он лишь смотрел на него в упор, не мигая.

Поднимая гаджет, Бай Муюнь невольно скользнул взглядом по экрану. Там была открыта страница Вэйбо, причем не обычная, а официальный аккаунт станции по борьбе с хейтерами... его собственной фан-базы. «Неужели поклонник?» — промелькнуло в голове.

Неужели его узнали? Если даже в таком виде фанаты видят его насквозь, то они просто демоны какие-то.

— Вы...

— Спасибо, большое спасибо! — Лу Янь поспешно перебил его и выхватил телефон.

— За что вы меня благодарите? Это же я его уронил, — Бай Муюнь негромко рассмеялся. — Кажется... мне знакомо ваше лицо.

«Боже, что за избитая фраза для знакомства», — Киноимператор тут же пожалел о сказанном.

Лу Янь промолчал, низко опустив голову.

— Прошу прощения, — Бай Муюнь вежливо кивнул и ушел.

Он не видел, как Лу Янь провожал его взглядом — долгим, полным нежности и преданности.

— Я только что видел его.

— Кого? — безучастно спросила Цзинь Фэйфэй, протягивая Лу Яню соевое молоко.

— Бай Муюня.

Фэйфэй вздрогнула, и несколько капель молока брызнули на пол.

— Он-то что здесь забыл? Зачем пришел? Он тебя заметил? Как ты себя чувствуешь? Послушай, я не то чтобы запрещаю тебе с ним видаться, но...

— Не знаю. Кажется, он приболел. Он меня не узнал, — Лу Янь слабо улыбнулся. — Я рад.

— Я просто боюсь, — Фэйфэй замялась, — боюсь, что ты снова потеряешь покой.

— Фэйфэй, я правда рад.

— Рад — и хорошо, — вздохнула она.

— Знаешь, мне кажется, я становлюсь жадным.

— В смысле?

— Хочется стать к нему еще хоть чуточку ближе.

Лу Янь повернулся к ней. Его глаза всегда были подобны драгоценным камням, сокрытым в чистой воде: прозрачные, удивительно красивые и невинные. Он словно молил о защите.

— Все люди в душе жадны, — Фэйфэй пожала плечами и улыбнулась. — Но если чего-то желает мой спаситель, я расшибусь в лепешку, чтобы он это получил.

Лу Янь с улыбкой покачал головой:

— Спасибо тебе, Фэйфэй. Если бы не ты, я бы, наверное, давно погиб.

Погиб бы в том хаосе паники и отчаяния прошлых лет.

Цзинь Фэйфэй горько усмехнулась про себя. «Единственный, кто может тебя спасти — это Бай Муюнь».

В два часа дня Бай Муюнь сидел в гримерке на бэкстейдже рекламного мероприятия. Вид у него был глубоко несчастный — над ним всю колдовал визажист.

— Что это с вами сегодня, господин Бай? Вид какой-то отрешенный, — поддразнила его мастер.

— У него с утра была высокая температура, — вставил стоявший рядом Цзи Бай. — Сделали укол, стало чуть полегче, но состояние всё еще так себе. Пожалуйста, сделайте так, чтобы он выглядел бодрее.

— Ох, вот оно что. Выдержите, господин Бай?

— Всё в порядке, — Бай Муюнь откашлялся. — Сейчас уже намного лучше.

— Скажите, а вы планируете сниматься в следующем году?

— М-м?

— Да понимаете, у меня подруги — ваши преданные фанатки. Все уши прожужжали: «Узнай да разузнай, будет ли он играть». Им же нужно на что-то надеяться.

Цзи Бай согласно кашлянул за спиной.

Бай Муюнь улыбнулся:

— Если попадется достойный сценарий, то обязательно. В последние годы индустрия явно идет на лад.

— Ну, раз вы так говорите, мы спокойны!

Обрадованная визажистка чуть не провела лишнюю линию, едва не испортив бровь актера.

Бай Муюню было двадцать девять, но он уже стал легендой, которую невозможно повторить. В девятнадцать лет он проявил удивительное чутье: снялся в фильме никому не известного

молодого режиссера, да еще и вложил в этот проект огромные деньги. Тогда все вокруг крутили пальцем у виска, считая его сумасшедшим. Но после премьеры Бай Муюнь в одночасье стал самым молодым обладателем «Золотого кипариса» — одной из трех главных кинопремий страны. Режиссер той картины тоже собрал ворох наград на международных фестивалях.

То была авторская лента, и её кассовые сборы для своего жанра оказались феноменальными, оставив позади работы маститых мэтров. Многие думали, что это пик его карьеры, но Бай Муюнь и не думал сдавать позиции. Кино, сериалы, театр — за десять лет он собрал все мыслимые и немыслимые награды как в Китае, так и за рубежом. Секрет его успеха крылся не только в природном таланте, но и в невероятном, почти мистическом чутье на материал.

Два года назад он внезапно объявил о перерыве. Фанаты поначалу решили, что это ненадолго, но когда тишина затянулась на два года, впали в панику. Поползли слухи, что Киноимператор решил уйти на покой. Учитывая его привычку писать в Вэйбо раз в несколько месяцев и полное отсутствие селфи за всю карьеру, он вполне мог уйти по-английски.

— Готово, посмотрите.

— А разница есть? — Цзи Бай подошел поближе.

Бай Муюнь глянул в зеркало. Лицо почти не изменилось, разве что волосы зачесали назад, оставив несколько небрежных прядей у лба. Открытый лоб сделал черты более резкими, глубокими, а эти пряди добавили образу нотку задора и свободы.

— Наш господин Бай и так хорош собой, косметика ему почти не нужна. К тому же, у вас, мужчин, глаза на затылке — вы разницу в жизни не заметите, — отрезала визажистка.

Бай Муюнь лишь промолчал.

— И то верно! — Цзи Бай поднял большой палец.

До выхода оставалось полчаса. Бай Муюнь лениво листал ленту новостей и наткнулся на пост Чу Лианя.

«Чу Лиань: Сегодня отличный день! Поздравляю Лу-гэ с победой в номинациях "Лучший режиссер" и "Лучший оригинальный сценарий"! Поздравляю старшего брата Кайцзяня с титулом "Лучший актер"! Для меня даже сама номинация — это признание. Буду стараться еще больше! (смеющийся смайл)».

К посту прилагались фото: на одном Лиань в обнимку со смеющимся Лу Янем, который сжимал кубки, на другом — он с Чжан Кайцзянем, оба довольно улыбаются.

Бай Муюнь открыл снимок с Лу Янем. Он долго всматривался в его лицо.

Лу Янь почти не изменился со школьных времен. Несмотря на то, что ему было уже тридцать, он выглядел едва за двадцать. Время словно забыло о нем, не оставив на коже ни единого следа. Безупречно светлая кожа, большие влажные глаза, точеный нос с легкой горбинкой и естественный алый контур губ. Он выглядел изысканно и благородно, ничуть не проигрывая признанному красавцу Чу Лианю.

В груди Бай Муюня что-то дрогнуло. Тот человек в больнице...

— Брат? Брат!

— А?

Бай Муюнь очнулся, его палец замер в миллиметре от экрана, так и не коснувшись лица Лу Яня на фото.

— Вам пора выходить, — сказал Цзи Бай.

— Хорошо.

Когда мероприятие закончилось, Бай Муюнь вернулся в гримерку, чтобы переодеться. Там его уже ждала Хуа Ваньцин.

— Ты что здесь делаешь? — удивился он.

— Что за вопросы? Я, вообще-то, твой менеджер, так что мое присутствие на твоих выездах — дело вполне естественное, — она поднялась навстречу с улыбкой.

— Погоди, я переоденусь.

Бай Муюнь скрылся за ширмой. Цзи Бай присел рядом с Хуа Ваньцин.

— Ну, как он эти дни?

— Утром затемпературил, ходили на укол. Сейчас вроде отпустило.

Хуа Ваньцин нахмурилась:

— С чего вдруг простуда? График свободный, съемок нет. Ты что, плохо за ним

присматриваешь?

Цзи Бай тут же взмолился:

— Клянусь, сестра Хуа, вчера вечером, когда я уходил, он был в полном порядке! А утром — бац, и жар. Я даже спросить ничего не успел, сразу в больницу повез. Так до этого момента и бегаем.

— О чем спорите? О чем там Цзи Бай сокрушается? — Бай Муюнь вышел из переодевалки в своей обычной одежде.

— Что с тобой вчера стряслось? Откуда температура? — спросила Хуа Ваньцин.

— Да зачитался сценарием, поздно было... случайно уснул на диване, — ответил он, возясь с молнией на куртке.

— Ну ты даешь! — укоризненно покачала она головой. — И какой же из них тебя так зацепил?

Бай Муюнь замялся.

— Есть пара неплохих, нужно еще разок присмотреться.

Он надеялся перевести тему, чтобы не уточнять названия, но Ваньцин опередила его:

— Вот и отлично. Я как раз принесла тебе еще один сценарий. Возьми, на досуге глянешь.

<http://bllate.org/book/18159/1751646>